

УХОД

Как можно объяснить простыми словами, что такое деменция? Этот тихий, но страшный недуг, исподволь пожирающий мозг и превращающий думающего человека, личность, в жалкое подобие себя самого. Бледную оболочку, доживающую свои дни в неведении и безмыслии.

Отец уходил от меня не весь сразу, по частям. В какой-то момент начал истончаться и под конец совсем захирел поток интересных писем, статей и заметок, которыми мы обменивались друг с другом по электронной почте. Я всегда гордился, что он, уехавший из Союза в возрасте 64 лет, освоил в Израиле компьютер и довольно бодро бродил по просторам Интернета. У нас было принято делиться друг с другом интересной информацией из мира науки, искусства, политики. И вот постепенно поток в пять – десять писем в день измельчал до одного-двух. Потом до одного-двух в неделю. И наконец – ноль.

– Почему ты мне ничего интересного не присылаешь? – спрашивал я.

– Да понимаешь, что-то в последнее время совершенно не было ничего интересного, – был стандартный ответ.

Но самый первый звоночек был гораздо раньше, в 2006 году, когда отцу пришлось перенести операцию по удалению простаты. Оперировали под общим наркозом, довольно быстро и без особых проблем. Мы с мамой дождались, когда отец придёт в себя после наркоза. Он проснулся, узнал нас. Его перевели в обычную палату, и мы поехали домой. Как только вернулись в квартиру родителей, раздался звонок из больницы:

– Приезжайте срочно. Ваш родственник не в себе...

Сказали, что отец внезапно пришёл в возбуждённое состояние, вскочил с кровати и начал бегать по отделению с мочевым катетером. Мы примчались обратно.

– Что случилось? – спросил я отца. – Ты что тут безобращаешь?

– Я проснулся, и мне показалось, что я в подземелье рыцарского замка, – ответил отец. – На тёмных стенах мрачно горели факелы, и я испугался. Просто испугался и побежал.

Другими словами, после операции у отца развился острый синдром бреда. Так называемый делирий.

Сам по себе он ещё не приговор. Отец тогда восстановился довольно быстро и вернулся к своей обычной активности. Но я-то знал, что у переживших эту болезнь риск развития деменции в течение нескольких лет после операции выше в десять с половиной раз по сравнению с ровесниками, не страдавшими делирием. Так оно, к сожалению, и получилось.

Вторым после делирия симптомом была утрата способности ориентироваться на местности. Кажется, в 2014 или 2015 году отец приехал в крупнейшую больницу Тель-Авива Ихилов. Я на тот момент работал там врачом, но и мой папа трудился в ней несколько лет в 1990-е годы. Отец приехал на консультацию хирурга. Я ждал его возле хирургической амбулатории. Хотел присутствовать, чтобы морально поддержать, а может быть, и перевести непонятные слова. Он всё не шёл. Внезапно зазвонил мой мобильник. На экране высветилось имя отца.

– В чём дело? – спросил я. – Ты что, задерживаешься? Мы пропустим очередь!

– Понимаешь, – ответил отец, – я вот тут стою и совершенно не могу понять, где именно нахожусь.

– Господи, но ты же работал в этой больнице! Посмотри внимательно, и ты найдёшь дорогу.

– Нет, не могу. Здесь всё переделали...

Ещё до того, примерно за год, отец перестал водить машину. То есть, когда его старенький «ситроен» в очередной раз сломался, я сказал, что вкладывать в эту машину деньги больше не надо и мы её сдадим в утиль.

– Но ты мне купишь новую машину? – с надеждой спросил отец.

– Да, пожалуй, не стоит, – уклончиво ответил я, – ты же и так почти не едешь.

Сказанное было правдой. Последний год-два своей водительской карьеры отец ездил по Иерусалиму по двум маршрутам, которые сохранялись у него в голове. Если же ему надо было добраться в место, находившееся далеко от маршрутов «А» и «Б», то он просто оставлял машину по ходу того или иного маршрута и добирался дальше на автобусе или трамвае. За пределы города он не выезжал вовсе. При такой эксплуатации автомобиля стало бессмысленно оплачивать страховку за год и техобслуживание. Дешевле было бы пару раз в неделю подъехать, куда надо, на такси. Это с рациональной точки зрения. Но отец не сдавался. Он давил на мою совесть эмоциями:

– Понимаешь, сын, я всю свою сознательную жизнь провёл за рулём. Для меня потеря возможности водить машину равносильна утрате статуса. Ты же видел, как хорошо и аккуратно я веду автомобиль! Тебе не о чем беспокоиться.

– Ну хорошо, я подумаю, – ещё более уклончиво ответил я, а сам подумал: «Даже если ты ведёшь аккуратно, то совсем не ориентируешься на дороге».

И я спустил это дело на тормозах. То есть не покупал новую машину под разными предложениями, и отец постепенно смирился с потерей статуса водителя.

Однажды, в конце 2015, я оказался вместе с ним на дне рождения – девятидесятилетнем юбилее его старинного израильского товарища. Этот человек носил странное имя Электрон – отпечаток экзальтированных 20-х годов прошлого века, когда на просторах советской России была сильна вера в светлое будущее, замешанное на научном прогрессе. В начале 2000-х он был настоящей звездой израильской интернет-тусовки пожилых советских учёных. Возглавлял интернет-форум, где эти учёные могли обмениваться своими мыслями в форме статей, комментариев и обсуждений. Сам Электрон обладал живым умом и блистал за столом, произнося остроумные речи и отвечая на многочисленные тосты.

После рабочего дня я не успел заехать домой и сосредоточенно жевал ресторанные яства, устало уткнувшись в тарелку. Постепенно я стал чувствовать, что мне чего-то не хватает за этим столом. В чём дело? Вроде бы всё нормально... Внезапно

я понял, чего мне не хватает: мой папа, который всегда доминировал за столом в качестве прекрасного оратора и искусного спорщика, сидел тихо и молча пережёвывал пищу. Дождавшись конца вечера, я отвёл его в сторонку и тихо спросил:

– В чём дело? Ты так и не произнёс ни единого тоста. Почему ты молчал?

Ответ был весьма уклончив:

– Да ты, сынок, сказал такой красивый тост за здоровье именинника, что мне совсем ничего не осталось добавить.

И я вдруг с ужасом понял, что это уже не совсем мой отец. То есть мой, конечно, но сильно изменившийся, утративший свой интеллектуальный блеск и многие другие качества, которые мне в нём так нравились. Утративший не сегодня, случайно, под влиянием выпитого, а навсегда, необратимо.

В месяцы, последовавшие за юбилеем Электрона, я был занят осуществлением проекта по перемещению родителей из Иерусалима в Тель-Авив. Сам-то я, в прошлом почти коренной иерусалимец, жил к тому времени в приморском развесёлом городе уже несколько лет. А родители продолжали жить в еврейском районе восточного Иерусалима с видом на Иудейскую пустыню. Будучи гериатром, я не мог не предполагать, что когда-нибудь возрастные проблемы сделают их пребывание вдали от меня делом опасным, и посему ввязался в длинную и унылую процедуру продажи-покупки жилья. Тот, кто прошёл этот путь возни с посредниками, адвокатами, банками и государственными конторами, знает, как это всё нудно и дорого. Встречал я по жизни, впрочем, и явных любителей такой возни с перепродажей жилья и постоянными переездами, но всегда считал данное хобби одной из скрытых форм извращения. Но ничего не поделаешь. Хочешь перевезти стариков в Тель-Авив – давай занимайся беготнёй с маклерами, торгуйся с квартирными владельцами, умоляй банки о ссуде и одновременно пытайся найти покупателя на родительскую квартиру без лифта в неходовом районе Иерусалима. Картина маслом.

Преодолеть врождённое отвращение к подобного рода деятельности мне помогали две мысли: а) бабушка будет жить возле внучки и, если что, поможет; б) мы с отцом будем